

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 204–211

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 204–211

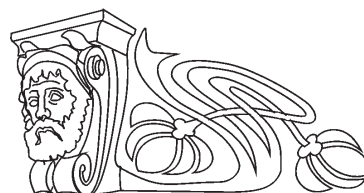
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-204-211>, EDN: NMOTOL

Научная статья

УДК 821.351.12.09-6+929 Галбацов

Эпистолярный жанр в творчестве Г. Галбацова: автор и адресат

М. С. Сулейманова

¹Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Россия, 367000, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, д. 57

²Дагестанский филиал Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия, 367018, г. Махачкала, пр. Насрутдинова, д. 54

Сулейманова Марьям Саидовна, кандидат филологических наук, ¹доцент кафедры дагестанской литературы, ²доцент кафедры гуманитарного образования, maryam9445@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7678-1034>

Аннотация. Цель данной статьи состоит в попытке рассмотреть своеобразие стиля современного дагестанского прозаика Газимагомеда Галбацова на материале эпистолярного жанра: в «Письмах на тот свет» классика аварской литературы второй половины XIX – начала XX в. и «Самому себе», отражающих творческие искания автора. Используемые автором структурный и сравнительный методы исследования, метод интертекстуального анализа текста позволяют выявить элементы стилизации автора писем под литературный стиль адресатов. Проведённое исследование раскрывает уникальную способность Галбацова: он в совершенстве владеет разными художественными стилями и отражает особенности индивидуальной творческой манеры адресатов его писем: арабиста и религиозного мыслителя Чанка и едкого сатирика Гамзата Цадасы (отца Расула Гамзатова). В эпистолярном жанре Галбацов передаёт внутренний мир адресатов, особенности их духовно-религиозного мировоззрения, манеру их письма и художественного стиля через интонационный строй речи и лексико-синтаксические средства выразительности. Письма Галбацова представляют значительный литературоведческий интерес с точки зрения их жанрового воплощения и стилистики. С одной стороны, они выступают как средство создания образов автора-адресанта и адресата, с другой стороны, свидетельствуют о стилевых исканиях самого писателя. В статье обращается также внимание на особенности хронотопа и его функции в анализируемых письмах: пространственно-временное художественное решение в эпистолярных произведениях Галбацова отражает авторский дискурс, что способствует раскрытию картины мира дагестанского прозаика.

Ключевые слова: письмо, Галбацов, адресат, автор-адресант, жанр, стиль, (Чанка) Тажудин, Гамзат Цадасы, хронотоп

Для цитирования: Сулейманова М. С. Эпистолярный жанр в творчестве Г. Галбацова: автор и адресат // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-204-211>, EDN: NMOTOL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Epistolary genre in the work of G. Galbatsov: Author and addressee

M. S. Suleymanova

Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, 57 Magomeda Yaragskogo St., Makhachkala 367000, Russia

Dagestan Branch of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 54 Nasrutdinova Ave., Makhachkala 367018, Russia

Maryam S. Suleymanova, maryam9445@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7678-1034>

Abstract. The article attempts to consider the originality of the style of the modern Dagestani novelist Gazimagomed Galbatsov on the material of the epistolary genre: in “Letters to the next world” to the classics of Avar literature of the second half of the 19th – early 20th centuries and “To himself”, reflecting the creative quest of the author. The structural and comparative research methods, as well as the method of intertextual analysis of the text, make it possible to identify the elements of the author’s pastiche of the literary style of the addressees. The conducted research reveals Galbatsov’s unique ability: he is fluent in various artistic styles and reflects the peculiarities of the individual creative manner of the recipients of his letters: the Arabist and religious thinker Chank and the aciduous satirist Gamzat Tsadasa (Rasul Gamzatov’s father). In the epistolary genre, Galbatov conveys the inner world of the addressees, the peculiarities of their spiritual and religious worldview, the manner of their writing and artistic style through the intonation structure of speech and lexical and syntactic expressive means. Galbatsov’s letters are of considerable literary interest from the point of view of their genre embodiment and stylistics. On the one hand, they act as a means of creating images of the author-addresser and addressee, on the other hand, they are indicative of the stylistic searches of the writer himself. The author of

the article also draws attention to the features of the chronotope and its functions in the analyzed letters: the spatial and temporal artistic solution in Galbatsov's epistolary works reflects the author's discourse, which contributes to the disclosure of the worldview of the Dagestani prose writer.

Keywords: letter, Galbatov, addressee, author-addresser, genre, style, (Chanka) Tazhudin, Gamzat Tsadasa, chronotope

For citation: Suleymanova M. S. Epistolary genre in the work of G. Galbatsov: Author and addressee. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-204-211>, EDN: NMOTOL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современное литературоведение принимает первые попытки изучить и оценить творчество уникального аварского писателя Газимагомеда Камаловича Галбацова (1960–2014), чья проза, бесспорно, – яркое и неожиданное явление в дагестанской литературе. К сожалению, писатель рано ушёл из жизни, не дописав свой главный роман – «Суракат», но уже по созданным страницам можно утверждать: проза Галбацова представляет собой качественно новый уровень в развитии дагестанской романистики. Дагестанский исследователь З. З. Гаджиева связывает исключительность его творчества, прежде всего, с объективными историческими процессами: «Последние десятилетия XX века стали и для аварской литературы временем кардинальных изменений. Она вступила в новый этап, в котором самым главным, на мой взгляд, является то, что с её глаз упали идеологические шторы... В аварской прозе, как и во всей прозе стран бывшего СССР, появилась потребность в новых принципах осмысления действительности, в появлении новой эстетики...» [1, с. 16].

В то же время Гаджиева подчёркивает, что имя Галбацова стало известно читателю ещё до перестройки необычностью стиля: «Весьма своеобразна его стилистическая манера изложения – лапидарная, словно резцом наносящая строгие, суровые, чёткие штрихи, связывающиеся волею авторского интеллекта в загадочную вязь единого рисунка жизни, в его галбацовский художественный текст жизни» [1, с. 16] (сохраняется авторская пунктуация. – С. М.).

Особенность языка произведений Галбацова, необычный стиль его прозы отмечают практически все читатели и исследователи. В частности, М. Бисавалиев, известный дагестанский журналист, близкий друг писателя, подчёркивает: «Его язык был суровым, сухим, однако удивительно похожим на тот, которым говорят люди» («Гъесул мацІ букІана согІаб, бакъвараб, амма гІажайбго гІадамаца бицунелда релъараб») [2, с. 3] (здесь и далее построочный перевод с аварского языка на русский наш. – С. М.).

В данной статье мы попытаемся рассмотреть особенности стиля Галбацова в произведениях эпистолярного жанра, поскольку, на наш взгляд, именно письма наиболее ярко демонстрируют стилевое богатство и возможности пера аварского писателя и свидетельствуют о его экспериментах в обозначенном нами аспекте.

Конечно, эпоха расцвета эпистолярного жанра канула в прошлое, однако, как особая литературная форма, он встречается в творчестве отдельных современных писателей. Как известно, главными отличиями письма как литературного жанра от его бытового аналога являются высокая степень интертекстуальности и ориентация на массового читателя. Исследователь Н. В. Логунова указывает на основную функциональную роль эпистолярного жанра в литературе: «Произведения в форме писем в художественной словесности занимают особое место: они предоставляют возможность максимально полно реализовать иллюзию, принципиально важную для литературы как вида искусства: представить вымышленное высказывание как достоверное» [3, с. 3].

В то же время автор указывает на существенный пробел в современном литературоведении – недостаточную изученность эпистолярного жанра: «...Несмотря на то, что исследования, посвященные данному феномену, активно осуществляются со второй половины XX в. и до сегодняшнего дня, богатейший литературный материал предыдущего и нынешнего столетий оказывается практически не учтен. Это историко-литературное ограничение обуславливает слабость исследовательских концепций в теоретико-литературном плане: XX век – время развития романа в письмах и становления других жанров эпистолярной прозы, которые лишь зарождаются в XIX в. Все это ... выпадает из поля зрения ученых» [3, с. 3].

Известный исследователь жанра письма в русской литературе В. Е. Коробова также утверждает, что «в современной науке практически отсутствуют труды, в которых бы

глубоко разрабатывалась теория эпистолярного жанра» [4, с. 22]. Обозначенная проблема недостаточной изученности эпистолярного жанра в художественной литературе также побудила нас обратиться к письмам Галбацова.

В то же время справедливости ради следует отметить, что в последние два десятилетия в связи с бурным развитием информационных технологий в отечественном литературоведении обострился интерес к жанру письма и его трансформации. Среди наиболее интересных исследований нужно назвать труды А. В. Кожеко [5], Л.-Л.-В. Й. Александер [6], Е. Г. Местергази [7] и др. В процессе работы над данной статьей нас заинтересовало также диссертационное исследование Ван Цзяо, однако преимущественное внимание в нём уделено не столько эпистолярию, сколько современной автобиографической прозе (частью которой, безусловно, являются и письма) [8].

В диссертации Г. А. Кричевского дан глубокий анализ формообразующих стратегий и принципов формообразования эпистолярной прозы в диахроническом аспекте: установка на диалог и ориентация на адресата. При этом исследователь разграничивает синонимичные понятия «эпистолярный жанр» и «эпистолярная форма»: «Эпистолярный (мета)жанр в широком смысле – это тип произведения, включающий в себя элемент адресованности и тесно связанный с жизненной и художественной прагматикой», а к эпистолярной форме автор относит «художественные произведения в виде писем, посланий...» [9, с. 4–5].

Фундаментальным мы считаем и труд О. В. Никитиной, поскольку в нём рассматриваются принципы изучения теории эпистолярного жанра, описываются различные подходы к изучению писем художников слова, даётся сравнительный анализ «естественного письма писателя и письма в художественном тексте», что очень важно для выявления «особенностей языковой личности» и понимания авторской картины мира [10, с. 3–4].

В процессе исследования мы опирались также на статью А. В. Курьянович, в которой подчёркивается синкретический характер эпистолярного жанра, что позволяет «увидеть» специфику картины мира адресанта. По утверждению автора, она проявляется «в содержательно-тематическом полифонизме, многообразии иллокутивных авторских установок, множественности категории эпистолярного

адресата, сложном характере эпистолярного диалогизма, разнообразной палитре языковых средств репрезентации авторского замысла, наконец, – стилистической маркированности текстов» [11, с. 16].

Как правило, под формой письма как жанра литературы скрываются самые разнообразные сращения: публицистические обращения, литературно-критические статьи, политические заметки, философские этюды, проповедь, путевые зарисовки и др. Однако в творчестве аварского писателя Галбацова жанр письма не укладывается в привычную классификацию. Мы попытаемся рассмотреть художественную форму и стиль его писем, вошедших в сборник «И крутится, вертится мельница...» («Тирулеб сверулеб гьобогги буго...») с подзаголовком: «Письма из мельницы» («Гьабихъан кагътал») [12, с. 501–523].

Поскольку объём данной статьи не позволяет нам представить литературоведческий анализ всех писем Галбацова (их всего одиннадцать), обратимся лишь к трем эпистоляриям из цикла «Письма из мельницы» («Гьабихъан кагътал»): «Самому себе» («Дихъего»), «(Чанка) Тажудину» («ЧанкIа (Тажудинихъе)») и «Гамзату Цадасе» («ЦIадаса ХIамзатихъе»).

Цикл «Письма из мельницы» («Гьабихъан кагътал») открывается письмом, адресованным «Самому себе» («Дихъего») [12, с. 502–503], в котором Галбацов использует такой троп, как олицетворение (голос времени из прошлого), и диалогическую форму речи, чтобы ответить на главный и самый важный философский вопрос, волнующий каждого мыслящего человека: кто я? Через приём отрицания адресат и адресант в одном лице – центральный герой текста – пытаются найти ответ на преследующий его вековой голос ушедшего времени:

– Мун щив?

Дун лъалхъана. Дица щиб жаваб кьелеб?
Дун гIадан вугилан абизе хIинкъун вуго. Дида лъала гьеб рагIи кинаб рагIияли.

Дун хъвадарухъан вугилан абизе нечолев вуго. Дида лъала гьал кьадазда чан цIакъа-цIакъаб рагIи рагIарабали...

Дун бахIарчи вугин, дун эбелалъе вас вугин абизего кIолеб гьечIо. Дида лъала кина-кинал улбул гьал къватIахъан хъвадаралали...

(– Кто ты?

Я остановился. Что мне ответить? Боюсь сказать, что я – человек. Я знаю цену этому слову.

Говорить, что я – писатель, неловко мне (стесняюсь). Я знаю, какие гениальные (выдающиеся, мощные) слова слышали эти стены...

Не осмеливаюсь сказать, что я герой, что я сын своей матери. Я знаю, какие матери проходили по этим улицам...) [12, с. 502].

Возникает вопрос: почему адресат-адресант не смог ответить на вопрос: кто он? Философские размышления героя раскрывают авторскую позицию:

– ГІданлгун вижураб гІоларо, ГІаданлгун вукІинеги ккола (– Человеком недостаточно родиться, Человеком надо стать) [12, с. 502].

Мы считаем избранную автором форму диалога между временем и человеком не случайным решением, а хорошо продуманным художественным приёмом, обнаруживающим конфликт внутри самой личности, а не в сфере его взаимоотношений с другими людьми и с окружающим миром. Перед читателем предстаёт рефлексирующая личность с определённой, вполне сложившейся системой морально-нравственных ценностей и этической позицией, отражающей авторский дискурс.

Вслед за письмом «Самому себе» расположено эпистолярное послание известному аварскому поэту XIX столетия, земляку Галбацова – Тажудину, более известному под именем Чанка. Привлекает внимание, прежде всего, необычная для эпистолярного жанра вопросно-ответная форма письма, использованная автором и в письме «Самому себе». В нём звучит не монологическая речь пишущего (адресанта), а его диалог с адресатом, который, казалось бы, неприемлем в данном жанре. Но именно эти приёмы, не свойственные жанру письма, помогают писателю воссоздать образ яркой и цельной личности – поэта Чанка. Тем самым, уже художественной формой письма Галбацов разрушает сложившуюся веками литературную традицию эпистолярного жанра.

В письме к «(Чанка) Тажудину» («(ЧІанкІа) Тажудинихъе») Галбацову удалось передать пронзительную тоску поэта по отчизне, с одной стороны, и, с другой стороны, полную отрешённость от земного мира и даже от родного дома, отображающие цельность и полноту внутреннего мира адресата, составляющие его духовно-религиозное мировоззрение.

Тон письма к «...Тажудину» («...Тажудинихъе») – сдержанный, но обращает на себя внимание следующая особенность авторского стиля: недоговорённость, невысказанная, но в

то же время явно ощущаемая важная смысловая часть текста-«айсберга», переданная через многоточие. Данное синтаксическое средство, как известно, очень эффективно: в письме Галбацова оно способствует созданию особого экспрессивно-эмоционального состояния не только автора письма, но и его адресата. Многоточием заканчиваются все предложения в тексте письма, за исключением двух вопросительных. Оно указывает (несмотря на недосказанность) на особый, понятный адресанту и адресату, тайный смысл, многозначительность, вкупе создающие «подтекстовый» психологизм. Наличие подтекста в письме открывает перед читателем возможность «додумать» то, что не «договаривают» автор и адресат.

В основе диалога между автором и адресатом лежат широко известные факты из жизни аварского поэта Чанка: эмиграция в Турцию и смерть по пути в Мекку в 1909 г. Главный и мучительный для автора-адресанта вопрос звучит в начале письма:

– Тажудин, хІежалде унеб мехалда, рокъоса къватІиве вахъигун, нахъ щай мун валагычІев? (– Тажудин, когда отправлялся в хадж, выйдя из дома, почему ты не оглянулся?) [12, с. 504].

Покинутое пространство – «дом» – сначала всё более расширяется в тексте письма: родное село (росу) – равнина, склон, на котором расположено село (mІалъи), – Дагестан, а затем оно, постепенно сужаясь, возвращается в первоначальную точку: люльку, в которой поэта укачивали младенцем, и могилы предков (рождение и смерть слились в одну пространственную точку):

– ЧІанкІа, дур рокъой эбел йикІана, мун вуцараб кини букІана, рукъалда аскІор бекъечІдерил хобал рукІана... (– Чанка, у тебя дома была мать, люлька, в которой пеленали тебя, рядом с домом могилы батлаичцев...) [12, с. 505].

Галбацов создаёт этот образный ряд, чтобы не просто показать ценность родины (села, дома, матери, могил предков), но и получить ответ на главный и крайне волнующий автора вопрос: почему Тажудин покинул отчизну? В понимании ответа на поставленный вопрос ключевыми в устах адресата являются два слова, лейтмотивом повторяющиеся в художественном пространстве относительно небольшого по объёму текста письма (всего в одну страницу): «tІarІана» («исчезла») и «гъитІинлъана» («уменьшилась, стала незначительной»). Благодаря их повтору читатель понимает, что исчезли

и стали совсем маленькими, незначительными не родина в географическом и этическом смыслах этого слова, а весь мир, вся тленная земная жизнь, имеющая свой предел, свой финал, своё завершение – смерть.

Религиозное мировоззрение (Чанка) Тажудина, его образ Галбацов раскрывает, ни разу не используя для этого прямую авторскую оценку или характеристику. Перед читателем предстаёт личность адресата, твёрдая в своей убеждённости: ничтожна бренная земная жизнь. На призыв автора вернуться обратно и взглянуть на мир (*нахъ вусса, ...дунялалъухъ валагье...*) Тажудин отвечает:

– *Валагъун вуго дун... ГъитІунаб жо буго, ГъазимухІамад, эб...* (– Смотрю я... Маленькая (незначительная) вещь, Газимагомед, это...) [12, с. 505].

Интересно проследить личностно-оценочное соотношение автора-адресанта и адресата. С одной стороны, автор, безусловно, возвышает Тажудина, чья религиозно-философская позиция находится вне его мировоззренческого понимания. С другой стороны, он равновелик ему, во всяком случае, в определённом временном пространстве жизни героев – в молодости. Подтверждается это словами адресата о том, что те же самые вопросы он задавал себе в юности:

– *ГъазимухІамад, дур кІудаэмен гъавилалдего гъел суалал дицаго диего кьолаан* (– Газимагомед, ещё до рождения твоего деда эти вопросы я сам себе задавал) [12, с. 505].

Но тут же едва обозначенная «равновеликость» подвергается сомнению:

Мун ваккулеб кІаІал гуро гъеб... (Это такая пропасть, в которую тебе не дано заглянуть...) [12, с. 505].

Казалось бы, адресант и адресат – приверженцы разных мировоззрений, что исключает их полное взаимопонимание. Подтверждается это и вопросно-ответной формой письма (незачем задавать вопросы, если ответы на них очевидны и бесспорны). Однако такой вывод носит однобокий характер и имеет право на существование, если исходить только лишь из художественной реальности текста. Но есть реальность действительная, в которой образы и автора-адресанта, и адресата создаются писателем – Галбацовым. В то же время важно подчеркнуть: язык и стиль письма, суровый и лаконичный, величественный и даже немного торжественный, обусловлены личностью не столько автора текста, сколько его адресата – по-

эта-арабиста и религиозного мыслителя Чанка, поэтому нам кажется справедливым замечание Н. В. Сапожниковой: «Глубинная психология человека, равно как и дискурсивные резервы письма, такова, что разговор с “другим” скорее предоставляет возможность еще раз оказаться наедине с самим собой и разрешить в письменной эпистолярно-адресной форме возникшие (а порой еще и не вполне осознанные) сомнения, и уже в самом процессе письма попытаться их разрешить. Автор, мысленно разговаривая с потенциальным собеседником, даже если письмо не будет отправлено, **зависит от адресата...**» [13, с. 120] (выделено нами. – С. М.).

Подобную «зависимость от адресата» и гибкость стиля (стилизацию под адресата) мы находим и в письме Галбацова «Гамзату Цада-се» («Цада-се ХІамзатихъе»). На первый взгляд, интонация письма звучит буднично. Адресант рассказывает о современных событиях, о переменах в общественно-политической жизни страны, о приметах нового времени и появлении «новых людей» («цІиял чагІи») легко и просто, с дружеской доверительностью. В то же время каких бы проблем ни касался автор письма, в его речи легко узнаваемы сатирическая манера и стиль самого Гамзата Цада-се. С едкой иронией пишет Галбацов о том, как проходят юбилеи поэта:

Цо-цо дур юбилеялги тІоритІун, мун веццула нижеца. ...Дур кучІдулги рикІкІунаро гъенир, нижеца руго кучІдул, цІияб къагІудаял хъварал, дуразде регІун гъечІо... (Иногда, отмечая твои юбилеи, мы хвалим тебя... Твои стихи не читают на них, у нас свои стихи, по-новому написанные, не до твоих нам...) [12, с. 507].

С «гамзатовской» иронией говорит Галбацов не только о бездарных и тщеславных современных поэтах, но и о проблеме вымирания национальных языков, об ослаблении читательского интереса:

Нилъер поэтал гъанже мунго гІадин киналго халкъиял руго. ГІадатияв поэт гъезего гъечІо. Ругезги щибго жо хъвалеб гъечІо. Хъвараб жо цІализе чи цоларого руго... (Наши поэты теперь, как и ты, все народные. Обычного (рядового) поэта вовсе нет. И те, что есть, ничего не пишут. Не могут найти тех, кто читает написанное...) [12, с. 508].

Лаконичность фраз и краткость предложений выступают своеобразным контрастом относительно сути и содержательно-смысловой стороны письма, что ещё более подчёркивает

глобальность и актуальность проблем, которых касается автор-адресант. Аналогичный подход в способе высмеивания и разоблачения человеческих пороков и язв общества мы находим в сатирической поэзии самого Гамзата Цадасы, что позволяет нам утверждать: Галбацов довольно смело и успешно экспериментирует в области не столько формы произведения (хотя и тут он постоянно ищет и находит новые возможности), сколько в способности в совершенстве овладевать разными художественными стилями.

В контексте данной гипотезы нам представляется важным наблюдение дагестанского литературоведа М. Гаджиева, который в прочитанной им в 2017 г. лекции «Проза Газимагомеда Галбацова» отмечает особый, узнаваемый стиль его прозы, который невозможно перепутать ни с чьим другим. Исследователь, неоднократно встречавшийся с писателем лично и имевший возможность часто проводить с ним частные беседы, вспоминает: «...Газимагомед Галбацов высказывал желание изменить свой стиль таким образом, чтобы без указания его фамилии смог бы остаться неузнанным читателем» [14].

Следует обратить внимание: если в рассмотренных нами письмах «(Чанка) Тажудину» и «Гамзату Цадасе» вопросы задают друг другу адресат и адресант – реальные выдающиеся личности, хорошо известные дагестанцам талантливые поэты и сам писатель, Галбацов, то в письме «Самому себе» («Дихъего») к герою-адресату и адресанту (в одном лице) обращается не человек, а давно ушедшее время – голос древности. В связи с этим нам представляется важным исследовать особенности хронотопа в письмах Галбацова, поскольку «хронотоп как текстовая категория играет важную роль в конструировании особого художественного мира произведения, придавая ему онтологическую сущность, тем самым передавая читателю убедительное ощущение бытия» [15, с. 531].

Попытаемся выяснить, какую функцию выполняет хронотоп в анализируемых произведениях. Прежде всего, обозначим: пространственно-временное художественное решение в эпистолярных произведениях Галбацова «(Чанка) Тажудину» и «Гамзату Цадасы» реализуется в оппозиции настоящего и прошлого. В обоих этих письмах вопросы обращены из настоящего в прошлое, а в письме «Самому себе» – из прошлого в настоящее, и теперь уже сам автор – ответчик (адресат и адресант), и ему самому необходимо предстать перед бес-

пристрастным и справедливым судом вечности. Во всех трёх письмах Галбацова мы наблюдаем космическое время в соотнесённости прошлого и настоящего. Пространство в них остаётся открытым, однако оно всё же ограничено: в письме самому себе оно замкнуто узкими сельскими улицами. Примечательно, что начинается письмо с обозначения пространства: *Дирго росдал къваридал къватIал...* (*Моего села узкие улицы...*) [12, с. 502]. Герой (автор-адресант – адресат) в этом пространстве перемещается с одной улочки на другую, убегая от преследующего его голоса вечности из прошлого, но бежать некуда. Пространство ограничено родным селом: *Киве тIурилев? Киве аниги, бакъагычIисев... Киве цваниги бекъечIдерил къваридал къватIал... Гъоркъа-роххен, Квешаб роххен... Басрияб заманалъул къер чIварал ганчIазул къадал...* (*Куда бежать? Куда бы ни направился, батлаиче... Куда бы ни пришёл, батлаичские узкие улицы... Нижний квартал, Плохой квартал... Покрытые цветом древнего времени каменные стены...*) [12, с. 503].

Образ пространства Галбацов создаёт введением в текст письма топонимов: географических названий родного села и его частей (кварталов). Текст письма автор обрамляет обозначением конкретного пространства: мы наблюдаем при этом не только кольцевую композицию, но и лексический повтор пространственных топонимов. С первых же строк анализируемого письма мы узнаём о расположении села Батлаич. Автор географически локализует описываемую местность, используя множество реальных топонимов, среди которых встречаются ойконимы – названия населённых пунктов Хунзахского района Дагестана: селения Батлаич, состоящего из шести кварталов, среди которых Гъоркъа-роххен (Нижний квартал) и Квешаб роххен (Плохой квартал). Автор прибегает к использованию действующих дагестанских топонимов, обозначающих пространство, что вносит реалистический и, более того, автобиографический компонент в создаваемую писателем картину мира. Местом пересечения временного и пространственного в письме Галбацова «Самому себе» являются «тесные улицы» родного села. С одной стороны, место, пространство в письме статично (улицы села Батлаич), с другой стороны, на них лежит печать времени, а значит, время влияет на пространство, и оно претерпевает определённые

изменения. Как утверждает М. М. Бахтин, «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. ...Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [16, с. 235].

В хронотопе ведущее и активное начало исследователь отводит времени. Теория Бахтина находит подтверждение в письме Галбацова: описываемое пространство неизменно связано со временем, причём время является активно-вездесущим: куда бы ни направился герой, его преследует голос времени из прошлого.

Репрезентация пространства всего художественного мира в письме Галбацова «Самому себе» осуществляется через противопоставление прошлого и настоящего (бинарная оппозиция), предстающего в качестве основной структурообразующей единицы. Оно способствует особой организации художественного времени, в котором прошлое символизирует истинные человеческие ценности, знания, понимание, оно прочно, а настоящее зыбко, неопределённо.

Следует особо оговорить, что в письмах Галбацова языковая личность автора раскрывается максимально полно. Безусловно, любой литературный жанр отражает языковую специфику личности создателя художественного текста, однако, как справедливо подчёркивает В. Е. Коробова, лишь «эпистолярный жанр можно назвать универсальным, так как он особенно благоприятен для исследования языковой личности во всём богатстве её проявления» [4, с. 22].

В письме Галбацова «Гамзату Цадасе» основным художественным средством, использованным автором, является сатира. Известно, что Гамзат Цадаса, используя приём высмеивания, касался в своём творчестве наиболее острых, актуальных проблем современной ему эпохи: кровной мести, пьянства, злоупотребления служебным положением и т.д. Галбацов поступает аналогично. Он поднимает тему острой проблемы современности – потери национальной самоидентификации личности через потерю языка. С каждым новым поколением всё меньше в национальных республиках становится тех, кто владеет родным языком: некому читать произведения, написанные на языках народов Дагестана. Связано это,

безусловно, и с тем, что наша республика является многонациональной, а русский язык за последнее столетие занял нишу языка межнационального общения (с XII по XIX в. данную функцию на Кавказе выполнял преимущественно арабский язык). Иначе говоря, в письме «Гамзату Цадасе» Галбацов реализовал и творческий метод, и идейно-тематическую заострённость произведений на проблематику своего времени, и стиль адресата.

По оппозиции времени (авторское обращение из настоящего в прошлое) письму «Гамзату Цадасе» аналогично письмо «(Чанка) Тажудину». Однако на этом сходство заканчивается. По тональности, по глубине философских переживаний, по использованным тропам, приёмам, лексическим и синтаксическим средствам идентичны два других письма: «Самому себе» и «(Чанка) Тажудину». На наш взгляд, обусловлено это не только тем, что обоих – поэта XIX столетия Чанка и нашего современника прозаика Галбацова – связывает общая малая родина, село Батлаич, но и ментальным характером их творчества, однако данная тема требует отдельного исследования.

Таким образом, письма Галбацова, рассмотренные нами в данной статье, позволяют утверждать, что стиль самого писателя (адресанта), как в зеркале, отражает специфические особенности стиля и творческой манеры адресатов – классиков дагестанской литературы, аварских поэтов Чанка и Гамзата Цадасы. Следовательно, мы можем считать его эпистолярные произведения результатом весьма успешной экспериментальной работы над свободным владением стилями других дагестанских поэтов и писателей как средством и возможностью таким путём изменить собственную манеру письма, чтобы сам автор «мог остаться неузнанным», т.е. довести до совершенства собственное писательское мастерство.

В результате исследования мы пришли к выводу, что письма Галбацова – избранная автором художественная форма, в которой реализован тип отношений адресант – адресат: письма из настоящего в прошлое (адресатам) и письмо самому себе, в котором, наоборот, прошлое вторгается в настоящее (временное измерение дано в зеркальной противоположности). В обоих случаях они отражают авторский дискурс, раскрывая перед читателем образ рефлексивной личности адресанта во всей противоречивости его внутреннего мира.

В то же время совершенно очевидно, что перед нами зрелый писатель, свободно и удачно экспериментирующий в создании произведений разноплановых стилей, со сформировавшейся системой морально-нравственных ценностей и сложившейся жизненной позицией.

На наш взгляд, письма Газимагомеда Галбацова представляют значительный литературоведческий интерес с точки зрения их художественного воплощения, позволяющего создать образы (как адресанта, так и адресатов с присущей им индивидуальной творческой манерой) и в то же время обнаружить стиливые искания самого автора.

Список литературы

1. Гаджиева З. З. О кредо писателя и о новом векторе // Галбацов Газимагомед. Мысли обречённого жить. Махачкала : Лотос, 2018. С. 5–39.
2. Бисавалиев М. О Галбацове // ГъазимухИмад ГъалбацIов. Тирулеб сверулеб гъобогI буго... Публицистика = Газимагомед Галбацов. И крутится вертится мельница... Публицистика. Махачкала : Лотос, 2019. С. 3–8 (На авар. яз.).
3. Логунова Н. В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 447 с. EDN: QFUWKV
4. Коробова В. Е. Жанр письма в русской литературе // Вестник Курганского государственного университета. 2020. № 1 (55). С. 22–29. EDN: FJLFVY
5. Кожеко А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 3. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (дата обращения: 03.10.2024).
6. Александер Л.-Л.-В. Й. Лингвокультурологические особенности эпистолярного дискурса (на примере писем композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 22 с.
7. Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М. : Флинта : Наука, 2007. 160 с.
8. Ван Цзяо. Стратегии автобиографической наррации в современной русской прозе (Р. Киреев, А. Чудаков, Р. Сенчин) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 183 с.
9. Кричевский Г. А. Формообразующие стратегии эпистолярной прозы русского модернизма (М. Кузмин, Д. Хармс, М. Цветаева, В. Шкловский, В. Набоков) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 262 с.
10. Никитина О. В. Семантико-стилистический анализ писательского эпистолярного : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 162 с.
11. Курьянович А. В. Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. № 2 (143). С. 16–20.
12. ГъазимухИмад ГъалбацIов. Тирулеб сверулеб гъобогI буго... Публицистика = Газимагомед Галбацов. И крутится вертится мельница... Публицистика. Махачкала : Лотос, 2019. 622 с. (На авар. яз.).
13. Сапожникова Н. В. Эпистолярный дискурс как письмо в эволюционном диапазоне его саморазвития // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 2. С. 111–121. EDN: HYRQTV
14. Гаджиев М. Проза Газимагомеда Галбацова. Лекция. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9272483890252784505> (дата обращения: 17.03.2024).
15. Вишнякова Е. П. Хронотоп как пространственно-временная основа моделирования художественного мира // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 529–531. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-529-531>, EDN: KWKNYB
16. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 23.11.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025